

Герман Биллунг

**АЛЬБЕРТ ЛЕО ШЛАГЕТЕР –
ГЕРОЙ НЕМЕЦКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ**

Серия knapp + klar, выпуск 19; Издательство Grundlagenverlag, 1997

Оригинал: Hermann Billung, Albert Leo Schlageter – ein deutscher Freiheitsheld

Reihe knapp + klar, Heft 19; Grundlagenverlag © 1997.

Оригинал взят с сайта

<http://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/schlageter/als00.html>

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Прелюдия...
 2. Молодость и опыт мировой войны
 3. Борьба в Курляндии
 4. Красная армия в Руре
 5. Борьба за Верхнюю Силезию
 6. Польша и союзники пренебрегают результатами плебисцита
 7. Интермеццо в Данциге
 8. Франция вторгается в Рур
 9. Последние дни
 10. Был у меня товарищ
 11. Зов; *Флориан Зайдль*
 12. Список литературы
 13. Дополнение
-

Прелюдия...

Темной ночью маленькая группа подкрадывается вдоль канав и вспаханных полей к железнодорожной линии Дуйсбург-Дюссельдорф. Ее цель – железнодорожный мост близ Калькума. 15 марта 1923 года. Группа подрывников,

возглавляемая Шлагетером, уничтожит этот мост, чтобы воспрепятствовать французским эшелонам вывозить во Францию похищенный немецкий уголь.

Мужчины медленно проползают последний участок пути к призрачно выделяющемуся на фоне горизонта железнодорожному полотну. В любую минуту может появиться французский патруль. Ничто не шевелится. И вдруг, когда они уже возле железнодорожной насыпи, темноту внезапно пререзает яркий пучок световых лучей! Как будто застыв, плотно прижавшись к земле, они замирают под конусом света прожектора. Вздох облегчения. Луч уходит дальше.

Последние быстрые шаги к мосту. Двое мужчин, кряхтя, вытаскивают наружу тяжелые шпалы. Заряд взрывчатки затискивается под ними, закрепляется запальный шнур, шпалы ставятся назад на дамбу. Работа проходит быстро и беззвучно. Каждое движение уверенное. Лишь изредка шепотом произносится какое-то слово. Испытанные в бесчисленных боях бывшие солдаты знают свое дело. «Заряд к подрыву готов», кратко сообщает один голос. Спрятанной под своей курткой горячей сигаретой Шлагетер зажигает шнур. «По двое назад», приказывает он. «Расходимся в разных направлениях! Место встречи завтра утром в Эссене!»

Они еще не далеко отошли от моста по тяжелой глинистой почве, когда высокие острые языки пламени осветили мрак ночи. Затем оглушительный хлопок и взрывная волна, которая почти бросила их на землю. Шпалы и рельсы в диком хороводе кружатся по воздуху. Здесь хотя бы на какое-то время больше не проедет во Францию ни один эшелон с углем.

Три недели спустя. В неутомимой борьбе, проводя дни и ночи в пути, Шлагетер готовится к дальнейшим опасным предприятиям, в том числе к освобождению принца Фридриха Вильгельма цур Липпе, брошенного французами в Верденскую тюрьму. Смертельно усталый, он идет спать. Пятого апреля в Кайзерсверте французы уже издали объявление об его розыске как скрывшегося опасного преступника. Он спит глубоким сном, когда среди ночи кто-то барабанит в дверь его гостиничного номера. «Откройте, полиция!» Стволы пистолетов направлены на него. «Руки вверх! Вы арестованы!»

С этого начинается мученический путь немецкого патриота, который, как когда-то Андреас Хофер, выданный предателем в руки врага, спустя несколько недель закончит свою молодую жизнь под градом вражеских пуль.

Молодость и опыт мировой войны

Альберт Лео Шлагетер родился 12 августа 1894 года. Он был шестым ребенком уважаемой шварцвальдской крестьянской семьи в Шёнау в долине Ви-

зенталь. На всю свою жизнь он сохранил детскую любовь к своему родному городку, расположившемуся у подножия горы Хоер Бельхен. С большой тоской по родительскому дому он каждый раз нетерпеливо ждал каникул, пока ему приходилось учиться в гимназии во Фрайбурге. Любовь к родителям и братьям и сестрам и любовь к родине прошла сквозь всю его жизнь. Но эта любовь не осталась ограниченной зелеными горами Шварцвальда, а уже рано охватила всю Германию.

Шлагетер был еще в выпускном классе, когда в начале августа 1914 года разразилась мировая война. Немецкий народ трудился, даже не догадываясь, что окружающие его враждебные силы видели в заработанном его усердием и его талантом добре свою заманчивую добычу, и хотели уничтожить этого превосходящего экономического конкурента. В восторженном порыве народ поднялся в таком согласии, которое еще никогда раньше не проявлялось в его истории. Фрайбургское студенчество с песнями маршировало по улицам и почти в полном составе пошло в действующую армию. Шлагетер должен был еще сдать свой обязательный экзамен на аттестат зрелости. После этого он сразу как доброволец записывается в 76-й полк полевой артиллерии.

7 марта 1915 года его направляют на Западный фронт, на котором он и прошел всю войну от Фландрии до Вогез. В 23 года он стал офицером и вскоре командиром батареи. За образцовую смелость он получил Железный крест первого и второго класса. Шлагетер был прирожденным командиром, не щадившим себя, сдержанным, даже малоразговорчивым, но всегда в веселом настроении. Как начальник он отличался добросердечной заботой о своих солдатах. С такой же верной привязанностью и они относились к своему командиру, которого воспринимали больше как человека рядом с ними, чем над ними. Когда ему однажды выделили кровать в блиндаже для отдыха, в то время как его солдаты должны были спать на соломе, он отказался от кровати со словами: «Я сплю там, где спят мои солдаты!»

Его начальники оценивали его как твердого, надежного и подходящего для особенно трудных заданий бойца. Свидетельством его самоотверженного мужества был случай в Варнетоне, к югу от подвергающегося жестокому штурму Кеммеля. Как артиллерийский наблюдатель он поднялся на колокольню, с которой открывался широкий вид на местность, чтобы корректировать огонь немецких батарей. Враг знал о значении этого «глаза противника» и засыпал колокольню своими артиллерийскими залпами. Шлагетер понимал, что это – задание для смертников, но все же, он держался. Тут прямое попадание поразило уже покосившуюся колокольню. С треском она обрушилась, погребая под собой Шлагетера. Его уже посчитали мертвым, но он отделался тяжелыми контузиями. Судьба явно готовила его для чего-то другого.

В тяжелой, кровавой борьбе германская армия в ноябре 1918 года все еще удерживала фронт вдали от немецких границ. Но в тылу и на родине в то же самое время уже начался настоящий ведьмовский хоровод распада и разложения. Когда Шлагетер, получив приказ об отходе, со своей батареей перешел Рейн, один из новообразованных «солдатских советов» с красными повязками попался ему навстречу. «Вы в вашей батарее уже создали солдатский совет?» Шлагетер поехал дальше, не удостоив спрашивающего даже взгляда. «Поговорите с моими унтер-офицерами!» Но те совсем ничего не стали говорить, лишь схватили этих тыловых крыс, хорошенько их отколотили и бросили в придорожную канаву.

На своей баденской родине Шлагетер еще раз испытал этот дурацкий танец ноябрьских революционеров. По решению местного солдатского совета его размещенная в школе батарея должна была сдать оружие. Спокойно и вежливо он спрашивает: «Кто вы такие?» Дезертиры и симулянты побледнели от страха, увидев подготовленные к стрельбе пушки на школьном дворе. Они, как парализованные, попросили прощения и улизнули, ничего не добившись.

После официальной демобилизации 11 декабря Шлагетер записывается во Фрайбургский университет. Хотя его мать хотела видеть своего сына теологом, он выбирает экономику. Аудитории кажутся фронтовику тесными и далекими от действительности. Здесь преподают седые профессора, которые выглядят скорее странными ввиду хаотичного положения в империи.

Хоть оружие уже и замолчало, но английская блокада голодом продолжалась, чтобы вынудить у немцев подпись под позорным версальским диктатом. Руководитель немецкой делегации на мирных переговорах в Версале, граф фон Брокдорфф-Ранцау, во время переговоров бросил в лицо своим преисполненным ненависти противникам: «Но сотни тысяч [в конечном счете, их был почти миллион, преимущественно женщины и дети!], погибших после войны в результате блокады, были убиты из-за холодного расчета, после того, как победа уже была достигнута и обеспечена. Вы подумайте об этом, когда говорите о вине!» (Всего два с половиной десятилетия спустя союзники так же докажут свое особое понимание «гуманности» в Дрездене, Хиросиме и Нагасаки!)

Пока Шлагетер слушал сухие лекции профессоров, большевизм стоял перед открытыми воротами империи. Его орды с направлением удара на Восточную Пруссию встречали самое незначительное сопротивление в балтийских провинциях. Во Фрайбурге был образован добровольческий корпус Медема для защиты от этой угрозы. Шлагетер оставил спокойную студенческую жизнь и последовал зову долга.

Борьба в Курляндии

До ноябрьского правительства постепенно дошло, что оно не может задержать большевиков фразами о гуманности или о правах человека. Поэтому оно волей-неволей поддержало создание добровольческих корпусов – «фрайкоров». Латвийское правительство Ульманиса и немецко-балтийские землевладельцы пообещали бойцам «фрайкоров» одну треть своих земельных угодий для поселения после окончания борьбы. И победившая Антанта ожидала от немцев, что они будут противостоять большевистской опасности. Лживая политика, цинизм которой стал очевиден лишь позже, когда немецкие борцы пожертвовали свою кровь в интересах Запада, чтобы тот потом позорно их предал!

Шлагетер со своей батареей отправился в Курляндию не для того, чтобы приобрести себе дом и усадьбу, а только, чтобы помочь своему отечеству. «Если политики в такое время, как наше, когда наши враги стоят у всех границ, чтобы оторвать себе нашу землю, не находят более важного занятия, чем болтать и накапливать протоколы заседаний, тогда мы и есть государство, так как только в нас еще жива вера в народ и отечество», объявляет он своим солдатам. «Вы увидите, как они распродают нашу страну, чтобы обеспечить себе их собственную жалкую власть!»

Господство большевиков в Прибалтике в своей невообразимой жестокости стало прологом всех тех ужасных вещей, которые в течение следующих десятилетий произошли во всех странах, куда большевики принесли свои кровавые знамена. Городские тюрьмы, в частности, в Риге, были переполнены сотнями заложников. Перед приходом освободителей их зверски убили. Женщин, особенно молодых и красивых, насиловали до смерти. Прекраснодушным гуманистам, которые из своих удобных мягких кресел упрекали борцов добровольческих корпусов в беспощадности, стоило бы познакомиться с такими сценами поближе. Вполне понятно, что, увидев своими глазами эти бесчеловечные зверства, добровольцы, полные святой ярости, бросились на палачей.

Господство большевиков было сломлено после взятия стратегически важного портового города Риги. В этой ситуации немцы на себе познали коварную политику Англии. После того, как пролитая немецкая кровь вынудила Москву пойти на переговоры, Англия увидела, что ее положение на востоке, ее торговые привилегии, права на разведку полезных ископаемых и т.д. гарантированы. Мавр сделал свое дело. Под давлением Англии немецкое правительство предало своих солдат добровольческих корпусов. Плакаты объявляли, что каждый, кто поддерживает «мятежников» в Прибалтике, агитирует за них или снабжает их денежными средствами, будет наказан длительным тюремным заключением!

Для немецких подразделений, которые все же пребывали в Прибалтике, началось время неслыханных страданий. Латыши и литовцы теперь были против них, собственное правительство бросило их на произвол судьбы, красные снова были готовы к нападению, они пережили зиму в ледяном холоде, без пальто, без квартир, голодая и замерзая, но, все же, вопреки всему продолжали хранить верность своему долгу

В это время самой горькой нужды они стали ландскнехтами, противниками умирающей системы, полными презрения к трусливому буржуазному обществу, которое никогда не понимало этих идеалистов и никогда их не поймет.

Позже возникла перенятая немецким молодежным движением песня «Дикие парни, обдуваемые штормовым ветром, князя в лохмотьях и тряпье...» и с полным упрямого горького юмора рефреном «Для нас солнце не заходит!»

В этом отчаянном положении появился вдруг неожиданный спаситель: добровольческий корпус Россбаха! Под командованием ее дерзкого командира маленькая группа пробилась по льду и снегу к своим стойким товарищам. Люди Россбаха при своем продвижении наталкивались на перебитых с ужасной жестокостью балтийских немцев, распятых на деревьях, с вырезанными глазами, ужасно изувеченных, прежде чем их убили. Видя это, ожесточение немецких солдат увеличилось до точки кипения. Один шестнадцатилетний доброволец «Бригады Эрхардта» писал: «Мы на послевоенных полях сражения дрались ЗА ГЕРМАНИЮ: с пением шли в атаку, и молча, с большой ненавистью и безжалостно шли в бой».

В Версале бесчеловечный мирный диктат был между тем подписан. Впоследствии убитый за свои действия политик-центрист и уполномоченный на подписание перемирия Маттиас Эрцбергер после совершенного им поступка написал в книге гостей «Золотого рыцаря» в Веймаре: «Кончил дело – гуляй смело!»

Помимо больших территориальных потерь у почти всех немецких границ, Германия лишилась также своих колоний, область на левом берегу Рейна на 15 лет подпадала под оккупацию союзников, угольные шахты переданы Франции... Принятое еще в 1918 году Национальным собранием Австрии решение о присоединении к Германской империи запрещено державами-победительницами! Еще стоящие в Прибалтике немецкие войска должны были, скрипя зубами, покинуть поддержанную ими страну. 13 декабря 1919 года их последние подразделения с развевающимися черно-бело-красными знаменами и свастиками на касках перешли границу с Восточной Пруссией. Из 10 000, которые отправились на ту войну, вернулось только 5 800 человек.

Уже почти тысячу лет назад в Прибалтике возникла сплоченная немецкая культурная область и заселенная немцами территория с городами Ригой, Митавой, Дерптом, Ревелем. Только с 1230 по 1410 год Немецкий орден основал там 93 немецких города и более 1400 деревень. Позже Немецкая Ганза, объединение немецких купцов, власть которой во времена ее расцвета с более чем 70 ганзейскими городами простиралась от Лондона через Вильно (1400) до Новгорода на озере Ильмень, тоже внесла решающий вклад. Уже в 1201 году епископ Адальберт с переселенцами из Бремена и Гамбурга основал епископство Рига, в 1219 году произошло основание Ревеля, в 1223 году – Нарвы и в 1225 – Дерпта с его университетом. Ударные войска большевизма не довольствуются военной оккупацией Прибалтики. Их целью скорее, так же, как в 1945 году в Восточной Пруссии, было систематическое искоренение немецкого населения, полное уничтожение немецкого характера этих земель!

После боев в Прибалтике, в которых Шлагетер снова отличился неустрашимой безрассудной смелостью, ему была близка мысль возобновить прерванную учебу во Фрайбурге. Но у него еще были солдаты его батареи, которые в беде и опасности все делили со своим командиром. Он знал судьбу каждого из них. Они обречены на общее процветание и гибель. И их уже ждала новая борьба.

Красная армия в Руре

С помощью денег из Советской России в Рурской области буквально из-под земли вдруг выросла красная революционная армия. Оружейные склады и склады боеприпасов заводов Круппа подверглись грабегам. Лишь за одни сутки красные смогли предоставить для восстания 10000 вооруженных людей, которые уже скоро увеличились до 50 000. Примерно в то же время члены «Союза Спартака» под руководством Макса Хёльца в Саксонии-Тюрингии установили террористический режим, убивая членов вооруженных отрядов горожан и полицейских, и провозгласили диктатуру пролетариата. Они объявили имперское правительство низложенным, и в случае продвижения вооруженных отрядов рейхсвера угрожали, что сожгут занятые ими города и перебьют всю буржуазию.

Союзникам как раз была на руку немецкая гражданская война, которая поглотила бы последние немецкие резервы, чтобы вследствие этого еще легче можно было бы поставить немцев под свой тотальный контроль! Французская пресса начала открытую травлю Германии: «Германское единство нужно разрушить, империю следует превратить в пыль из отдельных государств».

Когда крик правительства о помощи достиг их, Шлагетер с горькой иронией обратился к своим солдатам: «Мы презираем буржуазию и, все же, мы спасали ее нашей кровью! Мы выступили, чтобы гарантировать свободу нации, и защищаем правительство, которое предало народ и нацию... мы против грязной политики Англии, и, все же, мы были ее лучшими солдатами».

Против твердых как сталь, закаленных в сражениях Великой войны солдат красная чернь не могла долго продержаться. Но вспыхнувшая борьба велась с ожесточенностью, брат воевал против брата! Бессовестные агитаторы готовили и немцам те же несказанные беды, что они уже принесли России. Но после поражения соблазненных ими товарищей они бросили тех на произвол судьбы, и утащили в укромные места похищенные ими из банков и ратуш деньги для своего дальнейшего личного благополучия.

Летом 1920 года Бригада Лёвенфельда, в которой сражался Шлагетер, была распущена в городке Зеннелагер. Шлагетеру удалось устроить своих оставшихся без куска хлеба солдат сельскохозяйственными рабочими в Померании и Восточной Пруссии. Другие командиры добровольческих корпусов после роспуска их подразделений, чтобы спастись от нужды, перешли к созданию фирм и сельскохозяйственных кооперативов. Оружие и боеприпасы различных добровольческих корпусов исчезло в амбарах и подвалах или пещерах «на всякий случай».

Борьба за Верхнюю Силезию

В феврале 1920 года французский генерал Анри Ле Рон со своими войсками получил в свои руки господство над немецкой Верхней Силезией. Под его управлением страна утратила не только свое немецкое имя, но и права. На «Territoire Plebiscite de la Haute Silesis» правила теперь Межсоюзническая комиссия по управлению и проведению плебисцита в Верхней Силезии, разместившаяся в Оппельне.

Войцех Корфанты, бывший депутат в Рейхстаге и в прусском ландтаге, поляк, целью которого всегда была Великая Польша, посчитал, что теперь настал его час. Получив огромные деньги от польского правительства, он начал вооруженную борьбу за отделение Верхней Силезии и присоединение ее к Польше. Сила Корфанты – это ложь и война в темноте. Его агенты и шпионы подслушивали каждое немецкое слово. Польские реакционные газеты появлялись как грибы из-под земли. Польское восстание перешло в безжалостную «малую войну» против всего немецкого. Ее цель – так запугать преимущественно немецкое население, чтобы оно не решилось на плебисците голосовать против Польши.

Подчиненные Ле Рону французские батальоны оказывали полякам всевозможную помощь. Немецкая полиция была распущена и заменена «АРО», в которой доминировали польские солдаты и офицеры. Она могла полностью полагаться на власть французских штыков. Польские отряды боевиков, вооруженные ножами и резиновыми дубинками, проникали на собрания немцев. Известных немцев стреляли и избивали прямо на улице. Террор Корфанты действовал с ночными нападениями на немецкие квартиры, с бросанием бомб и покушениями с применением ручных гранат! Но когда немцы пытались защищаться от сброда убийц, то французская полиция вмешивалась и арестовывала – немцев! Тюремь в Оппельне и Козеле были переполнены этими жертвами французской «юстиции победителей». Организованные Корфанты банды пользовались полной свободой действий в городе и деревне. Целью французской политики было полное разрушение империи и ее экономики. Сначала грабеж важной промышленности Эльзаса и Лотарингии, потом Саар, Рейнланд и Рур – и теперь полезные ископаемые и промышленные сооружения Верхней Силезии!

Обезоруженная и лишенная силы Германия ничего не могла противопоставить этому польскому террору. Только идеализм и воля к борьбе маленькой группы решительных, рискующих жизнью сопротивляющихся добровольцев могла помочь. Командир фрайкора Хайнц Хауэнштайн, к которому присоединился и Шлагетер, был готов решительно поразить варварский польский бандитизм с помощью лучшей стратегии. Хауэнштайн создал тайную организацию, которая готовилась к контрудару в подпольной борьбе с вымышленными именами, фальшивыми документами и сменяющимися паролями. Секретность и неожиданность должны были стать ключом к успеху. За жестокость поляков нужно было платить той же самой монетой, без оглядки на закон или международное право. Акции организации готовились и проводились с научной основательностью.

Одной из основных задач Хауэнштайна стало уничтожение немецких шпионов и предателей. В этой безжалостной борьбе был только один девиз: ПРЕДАТЕЛЕЙ СУДИТЬ ТАЙНЫМ СУДОМ! Если возможно, для этих тварей, которые недостойны быстрой смерти, даже экономили пулю.

Избранные агенты Хауэнштайна маскировались преимущественно как коммерсанты или коммивояжеры. Им несколько раз удавалось отчаянными методами просачиваться вплоть до центров управления банд боевиков Корфанты. Не один раз им только благодаря удаче удавалось ускользнуть от пленения с последующей пыткой или смертью. В зале ожидания вокзала Каттовиц Хауэнштайн и Шлагетер однажды как раз обсуждали дальнейшие операции, когда внезапно все выходы были перекрыты французской армией. Обыск на предмет наличия оружия! Шлагетер хладнокровно положил свой пистолет

военного образца под свою лежащую на столе шляпу. Хауэнштайн последовал его примеру. Им повезло, французы не обратили внимания на их шляпы.

В тюрьме городка Козела с февраля 1921 года содержались в заключении семнадцать молодых немцев, осужденных французами на продолжительное тюремное заключение. Их преступление: они исполняли свой долг для отечества! У немецкого правительства не было ни власти, ни мужества, чтобы спасти этих молодых людей от длительного заключения или, тем более, от ада Кайенны. Одной ночью их освободили люди Хауэнштайна, в том числе Шлагетер в ключевой роли. На начальника тюрьмы навели пистолет, вытащили его из кровати, всех находившихся до тех пор в безнадежном положении арестантов в ходе неистовой ночной гонки довели до внутригерманской границы. Она тоже не свободна, но, по крайней мере, не подчинена французским штыкам.

Не все предприятия немцев были удачны. На двух членов шпионской группы, в том числе на свободно говорящую по-польски дочь одного высокопоставленного немецкого чиновника, которая поставила себя на службу этой борьбе из пламенного патриотизма, напали полупьяные поляки. Они замучили обоих до бессознательного состояния. Их бросили в ужасную, кишасщую вшами и клопами, польскую тюрьму, где они должны были неделями лежать на голой земле, получая только хлеб и воду. Их заключение окончилось только благодаря счастливому случаю. Но их ужасные страдания повлекли за собой тяжелые последствия до конца их жизни.

С приближением срока плебисцита польский террор усиливался. Корфанты не скрывал, что неблагоприятный для Польши результат голосования он исправит силой оружия. Для голосования в плебисцитную область потянулись специальные поезда из империи. Старики, женщины с детьми, даже больные выполняли свой долг для Германии, чтобы решить судьбу родины своим избирательным бюллетенем. Но в то время, как поляки встречали немецких избирателей на избирательных участках с палками и резиновыми дубинками, поляки в немецких районах могли отдавать свой голос беспрепятственно и без страха!

Вечером 20 марта, в судьбоносный для Верхней Силезии день, стало ясно, что голосование оказалось победой немецких избирателей. Вопреки издевательствам и жестокому польскому террору, вопреки миллионным суммам, выделенным Польшей на выборы, более 60% избирателей выбрали Германию! Но уже той же ночью польское и французское правительства решили признать результат голосования недействительным с помощью послушной им Лиги Наций. Корфанты с его вооруженными бандами готовил путч.

Простодушные немцы в свойственной им наивности полагали, что после победы на голосовании они смогут, наконец, снова заняться своим мирным трудом. Также Шлагетер верил, что вражеские державы будут уважать результат плебисцита. Впервые со времен ноябрьского бунта он посетил свою любимую родину в Шварцвальде. Как и раньше, когда он был учеником или когда был в отпуске, он сразу снова пошел в поле и хлев на помощь отцу. Его семья и друзья по праву гордились его действиями в Прибалтике и Верхней Силезии. Это было его последним пребыванием в Шёнау; ему никогда больше не довелось вновь увидеть свою родину.

Польша и союзники пренебрегают результатами плебисцита

Корфанты знает, что Лига Наций тайком в союзе с ним. Теперь он захотел, чтобы польское владение Силезией стало свершившимся фактом. Все новые грузовые поезда с тяжелым оружием и пулеметами прибывали из Польши. Французские оккупанты обещали полякам свою полную поддержку. Насмехаясь, они отвергали любое немецкое предложение о самообороне, даже если бы она была под французским командованием! Под французской защитой польские банды беспрепятственно проникали в немецкие города. Немцев даже принуждали вступать в польские формирования. При отказе их арестовывали, жестоко обращались, и угоняли в тюрьмы в Польшу.

Немцы могли противопоставить сильному польскому перевесу только маленькие импровизированные группы; но они, полные ненависти и гнева, боролись за свою родную землю. Берлинское правительство ничего не смогло добиться всеми своими бумажными протестами. Ле Рон цинично отвечал: «Если бы немцы не были так настойчивы, спокойствие давно бы наступило».

Шлагетер на родине получил телеграмму от Хауэнштайна: «Назад в В.С. – поляк атакует!» Шлагетер знал, о чем идет речь. В последний раз он еще поднялся до вершины горы Бельхен. Горная весна заливала своим сиянием долины и высоты его родины. Он знал, там, очень далеко на западе, лежит Фрайбург с его университетом. Но теперь это в прошлом. Во второй раз он отправился в Силезию, следуя зову совести.

В Нейсе между тем встретились первые товарищи. Хауэнштайн занял склад, в котором по приказу Антанты уничтожалось немецкое оружие. Шлагетеру удалось из разбросанных, уже наполовину заржавевших частей изготовить горную пушку. Ему были выделены 50 шахтеров, все закоренелые социалисты, но хорошие бывшие солдаты. Шлагетер и с ними тоже нашел правильный тон. Он спал у своих людей, и они скоро подарили ему свое доверие. Он мог сказать: «Если дойдет до серьезного, я с ними могу черта вытащить из ада!»

К северу от Бергштадта нависает гора Аннаберг, темная вершина которой возвышается всей местностью. Поляки хорошо окопались на ее склонах. Отсюда они предпринимали, при поддержке бронепоезда, атаки против немцев. Стратегическую ключевую позицию – гору Аннаберг необходимо было взять. Но Ле Рон и Межсоюзническая комиссия запретили всякое продвижение немецких добровольцев. Также объявился и представитель ноябрьского правительства, чтобы остановить добровольческие корпуса. «Это измена», крикнул ему один немецкий майор. «Теперь, когда поляки бегут, высокие господа внезапно хотят перемирия. Не с нами. Скажите это вашим чистеньким заказчикам!» «Немецкое правительство», подтрунивает другой офицер и отворачивается пренебрежительно, «распродает наших земляков полякам».

Штурмовой батальон Хайнца занял свою позицию для атаки. В него входит и рота Шлагетера, которая привезла с собой на передовую собранную из отдельных деталей пушку. Недалеко от них лежат каменоломни Гоголина. Оттуда корпус Оберланда приступил к штурму горы. В то время как Хайнец еще спокойно и непоколебимо отдавал приказы под вражеским огнем, Шлагетер с самой близкой дистанции прямой наводкой расстреливал польские контратаки. Одновременно внезапно неопишное ликование донеслось сверху с горы. С колокольни церкви Михаэльскирхе развевалось черно-бело-красное знамя добровольческого корпуса Оберланда!

После штурма горы Аннаберг старый офицер генерального штаба майор фон Лёвенфельд, обратился к Шлагетеру, покачивая головой из-за его отчаянного мужества: «Вы применили там действительно странную тактику! Вы, собственно, всегда ею обходитесь?» Шлагетер посмотрел на майора со своим спокойным и скромным видом: «В борьбе против повстанцев моральное впечатление, господин майор, все решает в первую очередь. С натиском здесь можно добиться всего!»

Уверенность поляков в победе окончательно сломлена. Как банды убийц для трусливых нападений они еще годятся, но к твердости и молодцеватости немецких бойцов они не привычны. Мечта пана Корфанты о победоносном марше до ворот Бреслау испарилась. Тогда Ле Рон вмешался «дипломатическими средствами» в пользу побежденных поляков. Пусть немецкое оружие и восторжествовало, но он-то знает, что Лига Наций на его стороне. С надругательством над всеми договорами город и область Каттовиц отдадут полякам. Восточная часть Верхней Силезии со всеми ее месторождениями олова и свинца, с 85% каменных запасов угля, с 67% добычи чугуна и с 50% населения становится польской добычей – в интересах Франции, стремящейся к дальнейшему ослаблению Германии. «Справедливость» победителей! Только бескорыстное мужество добровольцев и погибшего за свободу народа предотвратили еще худшее.

Подавление поляков научило также и французов снова уважать немецких солдат. Если раньше они с помощью хлыстов добивались для себя единоличного права ходить по тротуару, то теперь они предпочитали переходить на мостовую, стоило им лишь встретить добровольца из фрайкора. Они знали, что при столкновении им достанется, и что «право сохраняет тот, кто готов пожертвовать жизнью за свою честь!»

После того, как Лига Наций со лживыми отговорками всегда смотрела сквозь пальцы на страдания немцев под жестоким польским террором, ее совесть внезапно проснулась, как только речь зашла о гарантии недавних польских «захватов». Под давлением союзников немецкое правительство издало распоряжение, по которому всякий набор добровольцев был запрещен. Кто основывает такую организацию или входит в нее, того наказывают тюрьмой или денежным штрафом до 100.000 рейхсмарок!

Сильные отряды полиции разоружали немецкие добровольческие корпуса на границе. Ни слова благодарности за их героические действия! Они показали, что немецкий солдатский дух был сильнее, чем весь польский перевес в вооружении или звонкие фразы политиков. Такие мужчины были опасностью для системы!

6 июля Хайнц прощался со своими людьми. 2500 молодых немцев прошли перед ним последним парадом. После этого отряд разошелся на все четыре стороны. Вновь Шлагетеру досталось задание найти работу и хлеб для людей, которые подарили ему свое доверие. Теперь они остались без средств на улице, но он снова разместил большинство из них по деревням. – Он тоже не принял слов благодарности. «Но он ведь и не ради благодарности уже семь лет жертвовал своей жизнью для Германии».

Интермеццо в Данциге

На основе Версальского диктата старый немецкий ганзейский город Данциг был превращен в «республику» под «защитой Лиги Наций». Так как Польша лишь частично достигла своих экспансионистских целей в Верхней Силезии и потерпела при голосовании в южной Восточной Пруссии позорное поражение*, она попыталась в Данциге добиться своих целей «более тонкими методами» с обходом оговорок Лиги Наций.

Польские бизнесмены с их семьями заполняют город, к этому добавляется польская армия в полной форме, польские почтовые служащие, польские железнодорожники, польские военные корабли в гавани! Поляки хотели показать бесчисленным иностранным комиссиям, которые крутились тут, что Данциг, в принципе, польский город. Ненасытный земельный голод Польши

не был удовлетворен вновь приобретенным коридором, давшим ей доступ к Балтийскому морю. Цветущая и преуспевающая территория города Данциг, 1890 квадратных километров, почти на 100% заселенных немцами, должна была тоже приобщиться к польской сфере власти.

Чтобы разведывать интриги и тайные подрывные планы поляков, Шлагетер после своей деятельности в Верхней Силезии направился как шпион в Данциг. С помощью весьма смелого приема ему удалось проникнуть вплоть до центрального бюро отдела польской разведки, филиала военного министерства. Им руководил элегантный ротмистр Дубич. «Интервью» с Дубичем едва не стало для Шлагетера роковым. Дубич раскусил своего собеседника и вытащил револьвер. Только присутствие духа Шлагетера и упоминание им об якобы ждущих его внизу товарищах, спасло его жизнь. Он смог проститься с вежливым холодным поклоном.

Как последствие этой встречи «Gazeta Danska» опубликовала объявление о розыске Шлагетера, после чего также немецкие марксистские газеты подлым образом принялись нападать на него. На этом закончилась шпионская деятельность Шлагетера для немецкой самообороны. Он отправился в Берлин, чтобы там вместе с товарищами основать импортно-экспортную фирму. Все же, в деловой среде «золотых двадцатых годов», в которой задавали тон спекулянты и мошенники, Шлагетер, все еще придерживавшийся принципов верности и веры, был обречен на неудачу.

Примечание

*98% и больше населения проголосовало в различных городах за Германию!

Франция вторгается в Рур

В конце ноября 1922 года Франция могла сослаться на отсталость Германии в буквально бесконечных, истощающих немецкую экономическую мощь репарациях. Речь, по существу, шла о передаче столбов телеграфной связи. Пуанкаре добился этого мгновения. Уже 26 июля 1922 года он заявил перед прессой: «Единственный путь для спасения Версальского мира, это действовать так, чтобы побежденный противник не мог выполнять его условия». План оккупации Рура уже давно лежал готовым в ящике стола.

С помощью подстегивающей общественное мнение пропагандистской кампании французское правительство готовило свое нападение на экономическое сердце Германии, чтобы перетащить «золото Рура» во Францию. 11 января 1923 года пять дивизий, укомплектованных по штату военного времени, вме-

сте с бельгийским военным контингентом, поддержанные тяжелой артиллерией, танками и самолетами, перешли мосты через Рейн около Дюссельдорфа и Дуйсбурга.

Немецкое правительство отреагировало на этот наглый удар по международному праву новым беспомощным протестом. Само собой разумеется, французы отвергли этот протест. Италия тоже участвовала во французском разбойном нападении, отправив в Эссен группу итальянских инженеров. Вторжение французов в мирное время облагораживалось фразой о «защите межсоюзнической инженерной комиссии», которая должна была наблюдать за «договорными поставками» немцев. На самом деле французское правительство преследовало план отделения Рейнланда от империи и, к тому же, лишения Германии ее самого важного промышленного района. Только через год после грабежа верхнесилезских промышленных районов Германии должен был теперь нанесен раз и навсегда смертельный удар путем блокады ее самого значительного экономического центра! Да, планы Пуанкаре шли еще дальше. Полностью следуя традиции Ришелье, он хотел бы разделить своего соседа на различные независимые части.

Если сегодня немцев научились тонко продуманными методами «смирять» через «ЕС» и пользоваться результатами их труда, то после Первой мировой войны еще много лет преобладали открытые жестокие формы эксплуатации. Исполненные близорукой ненависти, они совершили ошибку, захотев уничтожить свою жертву вместо того, чтобы после предшествовавшего откорма смочь снимать сливки все больше и все дольше!

В Рейхстаге канцлер Вильгельм Куно констатировал: «Право и договор были нарушены вступлением войск в Рурскую область... Речь идет о той цели, которая уже более четырехсот лет свойственна французской политике... Это политика, которую успешнее всего проводили Людовик XIV и Наполеон I, но которой занимались, однако, и другие правители Франции, вплоть до сегодняшнего дня».

В то время как немецкие дети умирали, для каждого солдата оккупационной армии требовалось доставлять три литра и для каждой привезенной французской собаки один литр цельного молока. Обида немецкого населения росла день ото дня. Правительство объявило пассивное сопротивление. Население Рура сплоченно обратилось против врага.

Шахтеры, металлурги, железнодорожники, сельское население, граждане городов – все, упрямо, имея на своей стороне лишь право и честь, с редким ожесточением вступили в борьбу. Вражеские войска не нашли здесь уступчивого чиновничества или запуганных граждан. Их всюду встречало только ненависть и презрение. Немцы предпочитали закрывать магазины, чем про-

давать что-то французам. На железных дорогах и в трамваях пассажиры покидали вагоны, если в них входили французы. Водители отказывались их возить, хозяева ресторанов отказывались обслуживать французов. Наконец, немецкое сопротивление парализовало весь округ. Транспортировка немецких репараций во Францию полностью остановилась.

Оккупанты не могли смириться с этим очевидным провалом. Они отреагировали жестоким насилием. Французские генералы получили приказ бесцеремонно сломить сопротивление немцев. В мирное время, на незаконно оккупированной земле, немецкое население подвергалось чудовищному террору и мерзостям. Ежедневно немецкие гражданские лица становились жертвами французских пуль. Только в Эссене тринадцати рабочим заводов Круппа в пасхальную субботу как кровавый апогей пришлось потерять свою жизнь. Еще тридцать раненых лежали в своей крови, все из-за отказа передавать свои грузовики французам. За первые 19 месяцев французской оккупации не менее 137 немцев были убиты и 603 ранены, многие из них – с опасностью для жизни. Полмиллиона рабочих Рурской области почтили память своих убитых товарищей, обнажив головы на их похоронах. Новые санкции! Не против виновных в трусливом преступлении против безоружных людей, а против немцев, против собственников и директоров заводов Круппа! 15 и до 20 лет тюрьмы!

В немецких городах оккупанты правили хлыстом. Даже девушек били по лицу, если они осмеливались пройти по тротуару. Отели эвакуировали, немецких постояльцев штыками выгоняли из их номеров. Орды французов с хлыстами опустошили городской театр Реклингхаузена во время представления пьесы Шиллера «Вильгельм Телль». К эссенскому театру подогнали танки, когда публика повторяла за актерами слова клятвы в Рютли: «Да будем мы свободными, как предки, и смерть пусть каждый рабству предпочтет».

Тюрьмы заполнены жертвами оккупантов, их пытаются. Исключительно ради издевательств арестованных заковывали в тяжелые цепи. Они даже не получали посуду для своих естественных потребностей, не получали стульев, столовую посуду, зато вонючую, испорченную воду. При каждом случае на них набрасывались без разбора. В целом французские военные суды приговорили немцев более чем к тысяче лет тюремного заключения!

Чиновников и служащих, которые отказывались сотрудничать с французами, в массовом порядке изгоняли из их домов. Только то, что они могли унести в руках, им разрешали брать с собой. Спаги и марокканцы заселялись в их квартиры, которые спустя короткое время больше нельзя было узнать. В общем и целом французы выгнали из родных городов примерно 100 000 немцев. Чтобы заткнуть рот общественному мнению, не меньше чем 114 редакторов и 140 издателей были брошены в тюрьму или незамедлительно вы-

сланы, исключительно за то, что они отказывались печатать ложь в целях пропаганды оккупантов!

Один англичанин в марте 1923 года сказал одному немцу: «Вы плохо разбираетесь в пропаганде. Если бы с французами случилось то же, что они делают вам в Руре, весь мир бурлил бы от ярости против вас!» В борьбе правды против организованной лжи демократическая пресса в «свободной Германии» оказалась по всем направлениям далеко не на высоте.

Нужно отдать должное немецкому чиновничеству в том, что оно почти без исключения предпочло кандалы, тюрьму или высылку, нежели нанести своей стране удар в спину и сотрудничать с врагом! То же самое касается владельцев и заводских администраций немецких фабрик и верных трудовых коллективов. Они все предпочли сносить притеснения оккупантов, нежели покорно передавать им свои цеха и изделия!

Вопреки участию безродных типов, которые как сепаратисты предоставили себя в распоряжение французов, попытка Пуанкаре по образованию оторванного от империи буферного государства под французским протекторатом уже тогда оказалась неудавшейся. Все же, чтобы расстроить этот план окончательно, необходимо было обострение чисто пассивного до сих пор сопротивления.

В свободной части Рейнланда возникли тайные организации, мужчины, которые готовы были пожертвовать своей жизнью ради свободы своей страны! В Эльберфельде Хайнц Хауэнштайн вместе с Шлагетером создали свою штаб-квартиру. Отсюда борцы за свободу пробирались в оккупированные области: для наказания сепаратистов и предателей, для освобождения немецких патриотов из французских тюрем и для саботажа репарационных поставок французам. Шлагетер возглавил штурмовую группу в Эссене. Всем им было приказано при запланированных акциях саботажа уничтожать лишь ценное имущество и беречь жизни людей.

Теперь руководимым французами газетным киоскам и магазинам, где продавались газеты и брошюры с призывами к сепаратизму, приходилось считаться с гневом решительных немецких людей. В витрину книжного магазина напротив главного вокзала Эссена, где была выставлена французская пропагандистская литература, однажды влетел булыжник с мостовой. Тем же самым способом внезапно было прервано ночное веселое пиршество господ оккупантов с шампанским в тамошнем казино. Возмездие постигло также немецкие магазины и лавки, которые нарушали неписанный закон пассивного сопротивления и сотрудничали с французами. – Акты саботажа немецких партизан увеличили ненависть французов до максимума.

После ареста Шлагетеру, под наблюдением восьми «пуалю» с примкнутыми штыками, связали руки за спиной, пропустив веревки до плеч. По ночным улицам Эссена арестованного отвезли в центральную администрацию угольного синдиката, откуда до жителей с момента французского вторжения постоянно доносились полуночные крики ужасных мучений.

14 апреля Шлагетеру, несмотря на сильную охрану, удалось тайком передать из тюрьмы письмо Хауэнштайну, в котором он предостерегал того от предателей в собственных рядах. Для него характерно, что он даже в таком безнадежном положении меньше думал о том, что предстоит ему, чем о своем задании и о судьбе своих товарищей! Он образцово переносил арест. Ни одного слова жалобы о своей судьбе и об обращении с ним! К сожалению, французы тоже были еще до этого письма хорошо проинформированы об организации Хауэнштайна. Через несколько дней Беккер, Задовски, Вернер и другие соратники группы Шлагетера тоже были выслежены и арестованы французами.

Вольфрам Маллебрайн пишет о пагубной тяге некоторых немцев к измене: «Рядом с сияющим героизмом и непреложной верностью коварная измена! Рядом с Арминием предатель Сегест...» И он цитирует Наполеона: «Всегда у них [немцев] было больше обид друг к другу, чем к врагу», из чего все завоеватели на немецкой земле всегда извлекали для себя пользу. Тогдашний командующий генерал плацдарма Дюссельдорф Симон, в беседах с защитником Шлагетера не один раз выражал свое отвращение и презрение по отношению к таким элементам – в соответствии с известным выражением: Я люблю измену, но ненавижу предателей!

Беккер и Задовски были арестованы при странных обстоятельствах. При этом один бывший член штурмовой группы сыграл весьма подозрительную роль. Их обоих окружили на ночной улице, их паспорта объявили поддельными. Посыпался град ударов винтовочными прикладами по всему телу. Наполовину потерявших сознание, оккупанты бросили их на углу улицы.

Допросы новых арестантов были с особенной беспощадностью, жестокая прелюдия того, что натравленные пропагандой победители причинили многим немцам после Второй мировой войны! Удары кулаком в лицо, удары ножкой стула по голове, угрозы застрелить на месте, если они откажутся выдать своих товарищей! Каждого из арестованных заблокировали в одиночную камеру, Шлагетер был классифицирован как особо опасный. Ежедневная короткая прогулка на тюремном дворе для них запрещена.

Шестого мая Шлагетеру и его арестованным друзьям был передан обвинительный акт на французском языке. Переводчик с трудом перевел тридцатистраничный документ. День слушания дела был назначен на 8 мая. Так как

немецкие защитники получили обвинительный акт только 7 мая, им остался всего один день – сознательное коварство оккупантов – для юридического разбора дела.

В железных цепях арестованных ввели в зал судебного заседания, в то время как большой военный отряд перекрыл доступ к французскому военному суду. Шлагетер взял на себя полную ответственность за свои действия. Он беспокоился о том, чтобы снять вину с его товарищей. «Признания» Беккера и Задовски были разоблачены в зале судебного заседания как выбитые «под адскими истязаниями» (вспомните поздний Нюрнберг, Дахау и т.д.). С помощью любых лжесвидетельств соответствующие французские полицейские опровергали свои преступления.

После быстрого процесса прозвучал, пожалуй, уже заранее, как чистый акт мести, подготовленный приговор:

- Шлагетер за шпионаж и саботаж приговорен к смерти,
- Задовски за шпионаж и саботаж приговорен к пожизненной каторге,
- Беккер за преступный сговор и шпионаж приговорен к 15 годам каторги.

Другие тоже получили длительные тюремные наказания.

Соучастники Шлагетера были шокированы суровостью приговора, но сохраняли спокойствие. Сам Шлагетер при провозглашении смертного приговора даже бровью не пошевелил. Он, пожалуй, ничего другого и не ожидал. Огромная толпа собралась перед зданием суда на Мюленштрассе. Она стояла молча. Неверное слово могло вызвать немедленный арест, тяжелое наказание или высылку. Когда арестованных засовывали в «воронок» для вывоза их из здания суда, один пожилой мужчина снял свою шляпу.

Приговор вызвал бурю негодования в стране и стал сенсацией во всем мире. Немецкое правительство заявило протест, так же как Международный Красный крест, Папа Римский, Архиепископ Кёльна, королева Швеции и бесчисленные другие личности и организации за рубежом. Они рассчитывали своим влиянием добиться смягчения приговора. «У французских военных судов нет никакого права, на немецкой земле, которую они заняли противозаконно, принимать решения о свободе или, тем более, о жизни и смерти немцев», заявлялось в немецкой ноте французскому президенту. С нейтральной стороны иностранный военный трибунал был назван «наглой комедией для убийства немецких патриотов»!

Французская газета «Gaulois» обосновывала приговор как предупреждение населению на Рейне и Руре, тем, что, мол, чем больше Франции будут бояться, тем сильнее она станет, тем больше это ускорит решение, и это решение станет окончательным и полным подчинением Германии воле победителей!

Следует рассматривать как болезненную трагедию нашего континента тот факт, что существующая на протяжении веков «заклятая вражда» между Германией и Францией осознанно разжигалась и поддерживалась Англией в духе ее политики «баланса сил». Только в последнее время, после большого печального опыта, кажется, проложило себе путь понимание того, что вражда между немцами и французами означает конец Европы.

Выходящая под английской редакцией Kölnische Zeitung («Кёльнская газета») так комментировала поведение французов: «Вопреки Версальскому договору, который и без того достаточно жестоко сковывает Германию, французы вторглись в эту область, причем с бесцеремонностью и с явной ненавистью, как будто бы им тут противостояла не, по меньшей мере, равноценная им культурная нация, а варварские племена какого-то темного материка. Поэтому если среди немцев вспыхивает дикая ненависть к незванным гостям, то французы должны винить в этом самих себя. Если бы дело обстояло наоборот, если бы немцы вторглись во Францию в той же роли, в которой сейчас действуют французы в Германии, тогда, разумеется, весь мир переполнился бы хвалебными речами в адрес благородного мученика». Можно с уверенностью предположить, что в таком случае даже французская марксистская пресса тоже восхваляла бы мучеников-французов. В Германии, напротив, произошло совсем наоборот (за исключением речи Карла Радека, члена Центрального комитета коммунистической партии Советской России и президиума Коминтерна, где тот с уважением отозвался о Шлагетере). «Вероятно, наихудшим воздействием поражения было то», – писал Рольф Брандт, «что у чувства национальной чести в некоторых частях народа был сломан хребет». Это было написано в 1926 году. Сегодня здесь следовало бы написать, к сожалению, не о «некоторых», а о «массе народа»!

Доктор Маркс и доктор Зенгшток, защитники Шлагетера и Задовски, в течение предписанных законов суток подают кассационные жалобы. Но все их обоснования кассации единогласно были отвергнуты французами. Напрашивается предположение, что отклонение жалобы было уже заранее твердо установленным. Оставалась лишь попытка достичь смягчения приговора в порядке помилования. Но и здесь Шлагетер показал все свое человеческое величие и мужскую гордость: он кратко и твердо отказался от подачи какого-либо ходатайства о помиловании со словами: «Дорогой господин адвокат, я благодарю вас и доктора Маркса за ваше доброе намерение. Я не могу помочь вам осуществить это намерение. Я не привык просить о милости».

Только теперь, к этой поздней дате – Шлагетер сам об этом никогда не упоминал – появилось письмо доктора Беккера из Вюрцбурга, в котором он как очевидец описывал, как Шлагетер благородно спас дюжину французов от верной смерти в Верхней Силезии. В дальнейшем там рассказывалось, что Шлагетер с риском для собственной жизни освободил одного французского офицера от яростной толпы в июне 1921 года в Ратиборе. Это письмо было представлено французскому совету министров перед решением о помиловании.

Соперник Пуанкаре Тардьё потребовал еще более систематического расхищения Рура. 25 мая Пуанкаре закончил свою речь перед палатой неожиданным ударом: его твердый голос: театрально и с силой бросил своему противнику: «И вы осмеливаетесь говорить мне это в тот самый час, когда я как раз послал в Дюссельдорф приказ о расстреле Шлагетера!» Это была сознательная, служащая лишь сохранению своей власти ложь, чтобы доказать депутату, насколько жестоко он готов был действовать в Рурской области. Ложь и жалкий внутривнутриполитический шахматный ход, так как этого приказа еще совсем не было! Теперь, после того, как он сам себя связал, обратного хода для него уже не было, несмотря на письмо в пользу Шлагетера. Пуанкаре не хотел терять лицо.

Любой, сердце которого не каменное, только с благоговением будет читать письма, которые Шлагетер после смертного приговора отправил своим родным домой. Он не жаловался на собственную судьбу, а только думал о своих родителях, которым вынужден был причинить эту боль.

«Дорогие родители, братья и сестры!», пишет он 10 мая,

«С 1914 года до сегодняшнего дня я из любви и чистой верности жертвовал всю свою силу и весь свой труд моей немецкой родине. Где она была в беде, туда направлялся я, чтобы помочь. Последний раз принес мне вчера мой смертный приговор...

Дорогая мать! Дорогой отец! Сердце готово разорваться при мысли, какую сильную боль и какую большую скорбь принесет вам это письмо...»

И в другом письме: «Масштаб моего наказания не может напугать меня. Если бы я был только один на свете, я вообще не знал бы, что могло бы быть прекраснее, чем умереть за отечество. Но о вас я беспокоился, день и ночь. Если бы я смог уберечь вас от этого, то я охотно два или три раза вышел бы под пули. Продолжайте оставаться такими же смелыми...»

Тем временем Хауэнштайн не бездействовал. В самых мелких деталях уже была подготовлена операция по освобождению Шлагетера, когда он и еще

два борца из Рура были внезапно арестованы в Бармене по приказу прусского министра внутренних дел Карла Зеверинга. По мнению полиции, организация Хауэнштайна нарушала закон о защите республики! Даже во временном освобождении для проведения операции по вызволению Шлагетера было отказано. Им было горько узнать, что немецкая полиция обращается с ними как с преступниками. Что к ним так относятся немцы, становясь пособниками французов!

Позже Хауэнштайн так высказался об этих событиях: «Если я до того мгновения отвергал правящие в Германии власти, то с этих пор у меня появилась уверенность, что с ответственными лицами этой системы обязательно нужно будет рассчитаться. И мы предъявим им наш счет, это наш долг перед нашими товарищами и Шлагетером!»

Почти через десять лет после этих событий Хауэнштайн и некоторые из его приятелей попали под суд. Это был тяжелый уголовный процесс, инициированный по партийно-политическим соображениям бюрократами от юстиции – из-за ликвидированных в Верхней Силезии немецких шпионов и предателей! Мрачная глава немецкой истории, которая закончилась только более поздним объявлением амнистии, которая освободила всех «виновных в самосуде» от преследования.

Во время памятной встречи участников штурма горы Аннаберг в Большом зале Гоголина Хауэнштайн обратился со сцены к присутствующим со следующими словами:

«Мы в большинстве случаев были одни, опирались только на самих себя и на немногих единомышленников. Мы должны были защищаться от нашего собственного государства. Это наша судьба. Наш путь еще не закончен. Не глядя направо или налево, он непоколебимо идет прямо. Освобождение нашего народа от внешнего и от внутреннего врага, это является дальнейшей целью, которая представляется нам, и которую мы хотим достигнуть нашими действиями, не оглядываясь, идут ли другие за нами или нет. Не успокаивайтесь, любясь прошлым, а рвитесь вперед, к новым действиям, и подхватывайте с собой других!»

Огромный зал разразился бурей аплодисментов.

Последние дни

Как тюремный священник Фассбендер, так и доктор Зенгшток рассказывали, что поведение Шлагетера после окончательного смертного приговора вынуждало даже противника относиться к нему со все возрастающим восхищением. В коротких беседах, которые были позволены ему со священником или

со своим адвокатом в камере, Шлагетер говорил о своем родном доме, о родине, о борьбе добровольческих корпусов, но почти никогда о себе самом. Поэтому о его достижениях знали только те, кто сами принимали участие в этих действиях как очевидцы.

Как молния поразила священника Фассбендера в ночь с 25 на 26 мая сообщение, что Шлагетер будет расстрелян в 4 часа утра. Только с большими трудностями священник добился, чтобы его пустили к Шлагетеру в камеру. Лишь несколько минут были предоставлены ему для исповеди и причастия. Французский чиновник, в руках которого лежала подготовка к казни, – масон – цинично заявил, что заключенный, собственно, вообще не должен был бы видеть какого-либо духовного содействия, и добавил, что после трехсот расстрелов казнь для него – вовсе не что-то новое, и что он спокойно мог бы присутствовать на ней с сигаретой во рту.

Ничего не подозревающий Шлагетер спал, когда его внезапно разбудили. Французские солдаты окружили его кровать, направили ему в лицо фонарь и резко объявили, что его расстреляют через один час. Шлагетер попросил одну минуту для прощального письма своим близким. Твердой рукой, без малейшей дрожи, он написал свой последний привет родителям, братьям и сестрам и его родине. «Итак, до радостной встречи в ином мире», так закончил он свои немногочисленные строки. Ни о ком из его братьев и сестер он не забыл. Даже дата не пропущена. Он полностью владел собой. Никакого волнения нельзя было заметить на его мужественных и благородных чертах, в которых так гармонично соединялись доброта с решительностью. Его вежливое поведение все больше увеличивало глубокое уважение французских солдат, которые теперь обращались с ним так же вежливо, почти приятельски.

На дороге к Гольцхаймерской пустоши, месту казни, ждала колонна автомобилей, эскадрон кавалерии и три роты пехоты. По-видимому, французы всё ещё боялись, что товарищи Шлагетера могут освободить его отчаянным актом. Его сопровождающие, немецкие священники и адвокаты, были в высшей степени потрясены достойным восхищения спокойствием Шлагетера. Его последние слова им были: «Передайте привет от меня моим родителям, братьям, сестрам и родственникам, моим друзьям и моей Германии!» Затем он прямо, твердым шагом, двинулся к установленному для расстрела столбу.

Винтовочный залп разорвал тишину утреннего сумрака. Сердце, которое любило свою страну и свой народ больше, чем собственную жизнь, прекратило биться – сильное и мужественное сердце, как у расстрелянных по приказу Наполеона тирольских борцов за свободу, как у офицеров фон Шилля или у книготорговца Пальма! Шлагетеру было всего 28 лет. Командующий расстрельной командой французский офицер в знак уважения перед ним опу-

стил свою шпагу перед трупом мужчины, который сотни раз рисковал своей жизнью для Германии и как настоящий герой умер за свой народ.

Был у меня товарищ

Присутствовавший при казни французский врач рассказывал доктору Зенгштоку: «Я уже не раз видел, как умирают люди при казни. Но так мужественно и спокойно, как этот смелый прусский офицер, не умирал на моей памяти еще никто. Если бы мне пришлось когда-нибудь принять смерть подобным способом, то я желал бы себе, чтобы я смог стоять перед лицом смерти так же мужественно и героически, как он». И французский прокурор Дюмулен тоже сказал доктору Зенгштоку: «Невозможно, чтобы мужчина умирал так смело и героически, если его действия, которые привели его к смерти, не были продиктованы самым благородным, самым чистым и бескорыстным патриотизмом».

У мертвого Шлагетера было изъято несколько пробитых пулями бумаг. Там, среди прочего, были такие слова: «Будь тем, кем ты хочешь быть, но кем бы ты ни был, имей мужество быть им полностью!» Выражение, в соответствии с которым Шлагетер прожил всю свою жизнь. «Потому что он принадлежал к тем, у которых есть высокая цель, и они стремятся к ней, преисполненные мужества». В Прибалтике он узнал одну песню на финском языке, заключительная строка которой навсегда врезалась ему в память:

Флаг должен развеваться, даже если солдат падет!

Опубликованное утром 26 мая в прессе сообщение об убийстве Шлагетера произвело в Германии и за границей эффект разорвавшейся бомбы. В воскресенье, спустя один день после расстрела, могила Шлагетера стала целью постоянно растущей толпы. Путь домой в Шёнау стал настоящим триумфальным шествием. Где бы ни останавливался поезд, гроб Шлагетера, покрытый имперским военным флагом, приветствовали огромные скопления людей с горами венков. Во Фрайбурге, на последней станции, студенчество, во главе его бывшие связники Шлагетера, вышло на демонстрацию. У его могилы в Шёнау товарищи по 76-му полку полевой артиллерии, снова фрайбургские коллегии и все слои народа ожидали его.

«Когда знамена были приспущены над открытой могилой», пишет священник Фассбендер, «показалось, как будто мертвец кричал всем как последнее напоминание:

БУДЬТЕ ЕДИНЫ,
ТАК КАК ТОЛЬКО ЕДИНСТВО
СНОВА СМОЖЕТ ПОМОЧЬ
ПОРАБОЩЕННОМУ ОТЕЧЕСТВУ!»

После проигранной Второй мировой войны спроектированный профессором Клеменсом Хольцмайстером и торжественно открытый 23 мая 1931 года памятник Шлагетеру, который с отлитым из крупновской стали крестом возвышался далеко над Гольцхаймеровской пустошью, был снесен не по приказу оккупационных властей, а по решению собрания депутатов городского совета, куда входили члены всех партий от ХДС до КПГ, и был заменен на памятник жертвам национал-социализма!

На саркофаге были слова рабочего поэта Генриха Лерша:

ГЕРМАНИЯ ДОЛЖНА ЖИТЬ,
ДАЖЕ ЕСЛИ МЫ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ!

Тогда на торжественную церемонию открытия памятника с речью бывшего рейхсканцлера Куно явилось 50 000 человек!

И памятник Шлагетеру в Шёнау тоже был в июне 1985 года осквернен неизвестными преступниками, проявление духовного разложения, которое не было бы возможным ни в одной другой стране мира! Любой народ, характер которого не опустился окончательно, вспоминал бы о действиях Шлагетера с гордостью и благодарностью.

«Памятник был уничтожен», пишет Вольфрам Маллебрайн, «но дух Шлагетера, дух беззаветного самопожертвования для отечества продолжит жить в подрастающей молодежи».

Der Anruf

Und manchmal rufen sie mich von dem Male
und stehen heischend vor den Türen draußen;
und stehen heischend, mitten in dem Saale
ist eine Stille und ein Brausen.
Sie fragen streng, wie nie ein Mensch noch fragte,
erforschen auch den letzten meiner Pfade:
"Was keiner damals mehr zu hoffen wagte,
du kehrtest heim. Wie trägst du diese Gnade?
Du standest Jahre mit uns in der Reihe,

bist nicht geopfert und nicht hingegeben.
Antworte selbst: Bewahrtest du die Weihe?
Ja oder nein?" Sie fragen und entschweben.
Ja oder nein? Es glühen alte Narben.
Lebst du so groß und frei, wie jene starben?

Florian Seidl

Зов

И иногда они зовут меня от монумента
И, требуя, стоят перед дверьми снаружи;
И, требуя, стоят посреди зала,
где тишина и шум.
Они спрашивают строго, как никогда еще не спрашивал ни один человек,
исследуют также самые последние мои пути:
«То, на что тогда никто больше не решался надеяться,
ты вернулся домой. Как вынесешь ты эту милость?
Ты годами стоял с нами в одном ряду,
не был пожертвован и не был предан.
Ответь сам: Сохранил ли ты посвящение?
Да или нет?» Они спрашивают и уносятся вдаль.
Да или нет? Старые шрамы жгут.
Живешь ли ты так велико и свободно, как они умирали?

Флориан Зайдль

Список литературы

- Brandt**, Rolf, *Albert Leo Schlageter*; Hanseatische Verlagsanstalt, Hamburg 1926.
- Degrelle**, Leon, *The Poles of Ruhr*; The Barnes Review, Okt. 1996, S. 27.
- Faßbender**, **Roggendorf**, **Sengstock**, *Albert Leo Schlageter*; Gesellschaft für Buchdruckerei und Verlag, Düsseldorf 1938.
- Glombowski**, Friedrich, *Organisation Heinz (O.H.)*; Reimar Hobbing, Berlin 1934.
- Höffkes**, Karl, u. Uwe Sauermann, *Albert Leo Schlageter*; Arndt, Kiel 1983.
- Mallebrein**, Wolfram, *Albert Leo Schlageter. Ein deutscher Freiheitskämpfer*; K. W. Schütz, Preußisch Oldendorf 1990.
- Salomon**, Ernst von, *Der Fragebogen*; Rowohlt, Hamburg, 1951.
- Tötter**, Heinrich, *Warum wir den Ruhrkampf verloren*; Westdeutscher Beobachter, Köln 1940.
- Venner**, Dominik, *Ein deutscher Heldenkampf. Die Geschichte der Freikorps 1918-1923*; Arndt, Kiel 1989.
- Volck**, Herbert, *Rebell um Ehre*; Brunnen-Verlag, Berlin 1931.

Дополнение

Официальный результат плебисцита в избирательном округе Алленштайн по данным Межсоюзнической комиссии был таким:

Город Алленштайн	16.742 немцев	342 поляка	(2,00 %)
Округ Алленштайн	31.486 немцев	4.902 поляка	(13,47 %)
Йоханнисбург	34.036 немцев	14 поляков	(0,04 %)
Нойбург	22.233 немцев	330 поляков	(1,46 %)
Лётцен	29.378 немцев	9 поляков	(0,03 %)
Люк	36.534 немца	44 поляка	(0,12 %)
Ортельсбург	48.204 немца	511 поляков	(1,05 %)
Остероде	46.385 немцев	1.043 поляка	(2.20 %)
Рёссель	35.252 немца	758 поляков	(2.10 %)
Зенсбург	34.334 немца	25 поляков	(0.07 %)
Олецко	28.625 немцев	2 поляка	(0.007 %)

Для округа Мариенвердер результат был следующим:

Мариенбург	17.805 немцев	191 поляк	(1.06 %)
Мариенвердер	26.607 немцев	1.779 поляков	(6.27 %)
Розенберг	33.498 немцев	1.073 поляка	(3.10 %)
Штум	19.984 немца	4.904 поляка	(19.70 %)

Примечание: По распоряжению Верховного Союзного Совета в Париже расположенные в приграничной полосе деревни Кляйн-Лобенштайн, Кляйн-Напперн, Грошкен, Ной-Либенау, Крамерсдорф, Ауссендаих, Йоханнисдорф и Кляйнфельде были переданы Польше.

Иллюстрации

Трупы учителя Скробека, бухгалтера Словика и нескольких рабочих, которые со страшными ранениями были зарыты у пограничной реки Бриница.

*Памятник плебисциту в Алленштайне «**Мы остаемся немцами!**»*

11. 2. 15.

Liebe Eltern! Ich habe mit
 sehr weinend diesen Brief an
 Euch schreiben können und
 hoffe, dass er Euch nicht
 zu sehr trüben wird. Ich bin
 nun in der Heimat und
 hoffe, dass ich bald wieder
 zu Euch kommen kann.

Nochmals ganz ein herzliches
 Hallo. Vater, Mutter, Josef,
 Opa, Frieda, Lilo, Maria.
 Ich bin dem Herrn dankbar,
 dass ich noch hier am
 Leben bin.

Ihrer
 Tochter
 Maria

wintersonnenwende.com

Памятник Альберту Лео Шлагетеру на Гольцхаймеровской пустоши

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).